

Он стоял неподалеку от класса Линь Шэня.

Он пришел сюда вовсе не для того, чтобы ждать Линь Шэня.

Если говорить точнее, он собирался проследить за ним, чтобы тайком подглядывать за его повседневной жизнью.

Линь Исину хотелось знать, как проходят дни Линь Шэня, когда его нет рядом.

Чувствует ли он себя так же, как сам Исин — словно из груди вырвали кусок, и теперь всё валится из рук, а душа не на месте?

Хотя он надеялся на это, разум подсказывал, что такого быть не может.

И действительно, заглянув в окно, Линь Исин увидел, как Линь Шэнь в классе весело болтает с одноклассниками.

Закатное солнце пробивалось сквозь стекло, освещая Линь Шэня. Его лицо было прекрасно, как на картине, а на губах играла яркая, беззаботная улыбка.

Такой юноша — сияющий, живой — словно был рожден для того, чтобы все на него смотрели и все его любили.

А он хотел присвоить Линь Шэня себе.

И чтобы никто, кроме него самого, не смел на него смотреть.

После уроков Линь Шэнь закинул рюкзак на плечи и вышел из класса, напевая себе под нос какую-то мелодию.

Заходящее солнце заливало всё вокруг кроваво-красным светом. Когда Линь Шэнь дошел до школьных ворот, к нему подбежал щуплый мальчишка с покрасневшим лицом.

Затаившийся в углу Линь Исин смотрел на него с холодной, зловещей проницательностью: он учуял в этом щуплом пареньке «своего».

И точно — он увидел, как тот протянул Линь Шэню билет в кино, что-то тихо бормоча.

Линь Исин стоял в тени, ледяным взглядом наблюдая за ними, но в то же время смутно ожидая реакции Линь Шэня.

Как он поведет себя, когда узнает, что нравится парню?

Первым выражением на лице Линь Шэня было недоумение, переходящее в гримасу отвращения.

Затем, весь напрягшись, он развернулся и зашагал прочь, явно не желая слушать пустую болтовню этого мальчишки.

Линь Исин сделал еще несколько шагов вперед, желая расслышать их разговор.

— Линь Шэнь, ты даже шанса мне не дашь? — голос мальчишки, тонкий и почти девичий, дрожал от обиды.

Линь Шэнь обернулся и сверкнул глазами на того, кто не давал ему прохода:

— Ты, черт возьми, больной? Я же сказал, что не пойду!

— Пожалуйста, подумай еще раз, я... я могу сделать для тебя очень многое... — мальчишка внезапно шагнул вперед, пытаясь ухватиться за рукав Линь Шэня.

Линь Шэнь тут же отпрянул и с пугающим ледяным презрением окинул его взглядом:

— Еще раз дотронешься — я тебя ударю.

Его голос был холодным, как в полярную стужу, отчего даже кровь в жилах Линь Исина, казалось, застыла.

Мальчишка замер на месте, готовый разрыдаться.

Линь Шэнь раздраженно махнул рукой:

— Уходи. И больше не лезь ко мне.

Только он это произнес, как всё его тело внезапно напряглось — интуиция сработала безотказно. Подняв голову, он увидел в тени неподалеку Линь Исина.

Почему он здесь?

Мальчишка убежал в слезах. Разоблаченный Линь Исин, не меняясь в лице, подошел ближе и спокойно произнес:

— Зашел за тобой, чтобы проводить домой.

Линь Исин усмехнулся:

— Ты что, с ума сошел? Мне скоро семнадцать, зачем меня встречать?

Скучно ему, что ли?

— Мне было нечего делать, вот я и пришел.

— А, — бросил Линь Шэнь.

Линь Исин видел, что на лице Линь Шэня не отразилось ни капли радости — словно его появление вовсе не имело значения. Внутри него вспыхнула необъяснимая ярость.

Но он знал свой нрав: перед Линь Шэнем эта злость не имела ни смысла, ни оправдания.

— Я зашел в твой класс, но уроки уже закончились, пришлось идти сюда, чтобы найти тебя.

Линь Исин не понимал, зачем оправдывается.

Возможно, потому, что отношение Линь Шэня к тому парню подсознательно дало ему понять: лучше бы Линь Шэнь не догадывался о его чувствах.

Линь Шэнь молча пошел вперед:

— Понятно.

— Шэнь-Шэнь, ты не в духе? — осторожно спросил Линь Исин.

— Я не в духе не из-за тебя, — Линь Шэнь говорил с легкой колкостью. — Знаешь, зачем этот парень ко мне приставал?

Линь Исин покачал головой.

— Звал в кино. Ха, в кино, размечтался.

Линь Шэнь продолжил с явным отвращением:

— Я ему отказал, а он начал ныть, как баба, чуть не стошнило.

— И ведь сказал, что я ему нравлюсь, — Линь Шэнь фыркнул. — Я что, так похож на гея?

Это было прямое оскорбление!

Линь Исин смотрел на его раздраженное лицо, подавляя волнение в голосе, и тихо спросил:

— Тебе это так противно?

Линь Шэнь даже не задумывался:

— Еще бы! Какой нормальный мужик может такое любить?

— Ты... дискриминируешь их? — Линь Исин подобрал слово, чтобы прощупать почву.

Линь Шэнь нахмурился:

— Не то чтобы.

Линь Исин с облегчением выдохнул, чувствуя, как кровь снова начала циркулировать.

— Если это касается других — плевать, их дело, пусть делают что хотят.

— Но если это касается меня... ответ один: отвратительно!

Линь Исин застыл.

Только спустя пару секунд он запоздало почувствовал, как сердце пронзила острая, плотная боль — такая сильная, что дыхание перехватило.

Линь Шэнь смотрел на ярко-красное закатное солнце и ворчал:

— У меня сегодня было такое хорошее настроение, а тут этот чертов гей... всё испортил.

Линь Исин стоял рядом, чувствуя, как горло словно сдавило чьей-то железной рукой, и он не мог выдавить из себя ни слова.

Линь Шэнь опустил голову и пнул камешек на дороге:

— Ты еще спрашиваешь о таких очевидных вещах?

Ха, неужели он сам выглядит как гей?

Линь Исин тяжело переставил ноги, догоняя Линь Шэня, лицо его было мертво-бледным.

— А тебе разве не противно? — приподняв бровь, спросил Линь Шэнь.

Линь Исин ответил:

— Да, противно.

Линь Шэнь по-дружески обнял его за плечи:

— Брат, смотри, я ведь сильно вырос, уже почти с тебя ростом.

— Да, верно, — тихо ответил Линь Исин. — Шэнь-Шэнь повзрослел.

— Еще бы, на следующей неделе мне семнадцать! — Линь Шэнь продолжал обнимать его за плечи. — Я собираюсь устроить вечеринку в Summer, придешь?

Линь Исин помолчал:

— Посмотрим по обстоятельствам.

— Ну ладно. Мы же с тобой братья, нечего церемониться, придешь или нет — неважно.

— Угу...

Неважно, придешь или нет.

Линь Исин внезапно улыбнулся, и в лучах теплого заката эта улыбка казалась почти мягкой — нечто невозможное для его лица.

— Я хочу еще немного погулять по школе, иди домой один.

Впервые за все эти годы у него возникло желание сбежать от Линь Шэня.

Он боялся, что больше не выдержит, что маска вот-вот упадет.

На мгновение ему даже показалось, что он сейчас разрыдается.

Линь Шэнь не придавал этому значения:

— Ладно, вижу, у тебя неважное настроение, гуляй, если хочешь. Я пойду.

Он развернулся и зашагал к перекрестку.

Линь Исин смотрел ему вслед, а его глаза наполнились влагой.

Хорошо, что Линь Шэнь ушел не оглядываясь.

Хорошо, что за все эти годы Линь Шэнь никогда не смотрел на него по-настоящему внимательно.

Иначе правда бы давно вскрылась.

Линь Исин, словно неприкаянная душа, побрел на школьный стадион. Он смотрел на кровавый

закат и вспоминал тот день в приюте.

Если бы он только знал тогда, не стоило возвращаться домой вместе с Линь Шэнем.

У школьного пруда он увидел прыгающую лягушку. Подойдя ближе, он достал из кармана скальпель.

Присев на корточки, он разрезал ей живот вдоль, раздвинул края кожи, обнажая внутренности.

Сердце лягушки еще билось, и Линь Исин с силой вонзил в него скальпель — точно так же, как Линь Шэнь только что вонзил нож в его собственное сердце, не задумываясь.

Перед глазами всё плыло в кровавом месиве.

Было бы здорово, если бы его собственное сердце можно было так же легко остановить одним ударом.

Но он не мог разлюбить.

Следующая неделя прошла как в тумане. Слова Линь Шэня не выходили из головы:

— Если это касается других — плевать...

— Но если это касается меня... ответ один: отвратительно!

— У меня сегодня было такое хорошее настроение, а тут этот чертов гей... всё испортил.

— Придешь или нет — неважно.

Каждое слово ранило в самое сердце.

В день рождения Линь Шэня Линь Исин вызвался остаться в лаборатории, чтобы помочь учителю с вскрытием.

Он не мог видеть Линь Шэня.

Сейчас ему было проще иметь дело с существами, которые не могли сопротивляться и безропотно ждали смерти, наблюдая, как их расчлениают на части.

Учитель, заметив его рассеянность, участливо спросил:

— Линь, ты какой-то сам не свой. Что-то случилось?

— Поссорился с девушкой?

Линь Исин плотно сжал губы и промолчал.

Он мельком глянул на часы: восемь вечера. Линь Шэнь, должно быть, отлично проводит время. Он наверняка стал центром внимания, может, даже какая-нибудь девушка призналась ему в любви...

Учитель покачал головой:

— Ты совсем расклеился, так и ошибку допустишь. Иди отдохни...

— Я справлюсь.

— Справишься? Посмотри на себя, весь измучился из-за любви...

— Если поссорился — будь мягче, девушки любят внимание. Купи подарок, скажи пару ласковых слов, обними, поцелуй — и всё наладится.

Учитель похлопал его по плечу:

— Иди, парень, не упрямясь.

Линь Исин, как потерянный, вышел из лаборатории и побрел по кампусу.

Увидев супермаркет, он подсознательно зашел внутрь и купил гору шоколада.

Шэнь-Шэнь любит шоколад. Когда он ест сладкое, его лицо озаряется такой радостью, что на него невозможно смотреть без умиления.

Линь Исин развернул одну плитку и откусил кусочек. Приторно-сладкий вкус растаял во рту, и ему до слез захотелось вернуться в прошлое.

Восьмилетний Линь Шэнь тогда подошел к нему, протягивая точно такой же шоколад.

Больше не в силах терпеть, он поймал такси у ворот.

Уже в машине он запоздало подумал, что мог бы взять напрокат велосипед и не тратить время на ожидание.

Он позвонил Линь Шэню, но никто не ответил. Похоже, вечеринка в самом разгаре.

Что он там делает? Сидит в углу, слушая, как другие поют? Смотрит, как Линь Шэня окружают толпы людей?

С болью в сердце он опустил глаза и сказал водителю:

— Не надо в Summer, везите в особняк Янью.

Вернувшись домой, Линь Исин бросил шоколад на кровать и пошел в ванную.

Ледяная вода текла по телу, он опустил голову и криво усмехнулся.

Бездомная собака остается бездомной собакой.

Даже если живет в особняке, носит дорогую одежду и слывет молодым господином — это всё та же бездомная собака.

Он вышел из ванной обнаженным. В спальне было темно, шторы задернуты — ни лучика света.

Это была его любимая обстановка.

Снова один. Как хорошо.

По памяти он подошел к кровати и лег.

И тут —

Его обхватило что-то мягкое, но сильное.

Мозг Линь Исина, до этого пребывавший в тумане, вдруг прояснился. Он услышал дыхание того, кто лежал рядом.

— Мой малыш... малыш... дай мне немного...

Линь Шэнь обнял его, от него пахло алкоголем, речь была сбивчивой — он явно перебрал.

Линь Исин застыл.

В этот миг внутри него смешалось всё, но больше всего была горечь.

Он позволил себя обнять, чувствуя себя беспомощным в темноте, просто осознавая присутствие Линь Шэня.

Линь Шэнь сам его обнимает.

Эта мысль взорвалась в голове, разрушая остатки рациональности.

Только он хотел ответить, как Линь Шэнь уже оказался сверху, оседлав его бедра, и, схватив за запястья, прижал их к изголовью.

Поза была до неприличия откровенной...

— Шэнь-Шэнь... — прошептал Линь Исин.

Его голос был таким нежным, что в нем можно было утонуть.

— Я... я чувствую... здесь есть шоколад... — Линь Шэнь сидел на его поясе. — Отдавай... отдавай шоколад! А иначе...

Линь Исин не видел лица Линь Шэня, но мог представить его глупую, очаровательную гримасу.

— Отдавай... шоколад... слышишь? А иначе... иначе берегись, я с тобой...

— Что ты со мной сделаешь?

— Хе... хе-хе...

Дыхание Линь Исина сбилось. Он был обнажен, Линь Шэнь сидел на нем, их тела были прижаты друг к другу.

— Шэнь-Шэнь... отпусти, я дам тебе шоколад.

Линь Шэнь прижался к его груди:

— Не смей врать... кто врет — тот собака...

— Не обману, — мягко сказал Линь Исин.

Линь Шэнь разжал руки и повалился на край кровати. Линь Исин включил настольную лампу, и комнату залил мягкий свет.

Теперь он смог разглядеть его лицо.

Белоснежные щеки покраснелись, ясные глаза затуманились, наполнившись влагой, а приоткрытые губы часто выдыхали горячий воздух.

Внутри Линь Исина вспыхнуло пламя.

Оно жгло его дотла.

Линь Шэнь, устав ждать, заворчал:

— Где... шоколад?

Линь Исин вдруг решил подшутить:

— Шоколада нет.

— Врешь! Я... я точно чувствовал...

— Тебе показалось.

Линь Шэнь взъерошился, снова попытался встать и навалиться на него:

— Врешь... он точно есть...

Его мутный взгляд вдруг прояснился, он ткнул в него пальцем:

— Ты...

— Извращенец... без одежды...

Линь Исин поднял шоколад, переводя тему:

— Хочешь?

Линь Шэнь закивал.

— Не дам.

Линь Шэнь обиженно вытянул розовый язык и облизнул уголок губ:

— Дай мне...

У Линь Исина всё внутри перевернулось. Взгляд его потемнел:

— Очень хочешь?

— Мне горько... во рту горько...

Линь Исин обнял его, голос его дрожал:

— Очень горько?

— Горько... я курил... пил...

Линь Исин помрачнел. Мало того что напился, так еще и курил.

Но хриплый, прокуренный голос Линь Шэня свел его с ума, вытеснив всю обиду.

— Откуда мне знать, горько тебе или нет?

Линь Шэнь поднял голову, пытаясь выхватить шоколад, но Линь Исин увернулся.

— Шэнь-Шэнь, правда горько?

Линь Шэнь кивнул:

— Хочу... шоколад... сладкий...

— У меня... у меня во рту очень сладко.

Линь Исин покраснел до корней волос. Ему самому было стыдно за свои слова.

— ...Угу... и что?

С нынешним интеллектом Линь Шэня он вряд ли клюнет.

Линь Исин не выдержал. Он повалил его на кровать и впился в его губы.

— Шэнь-Шэнь... — выдохнул он. — Шэнь-Шэнь...

Температура в комнате поднялась, воздух стал густым от напряжения.

Линь Шэнь машинально сопротивлялся, но в пьяном виде не мог тягаться с Линь Исином, поэтому просто позволил собой завладеть.

— Шэнь-Шэнь... — глаза Линь Исина налились кровью, он был готов поглотить его без остатка.

— М-м? — Линь Шэнь издал короткий звук, от которого Линь Исина бросило в жар.

Я люблю тебя.

Уже много лет.

Линь Исин обхватил его лицо ладонями, слова рвались наружу, но он не смел их произнести. Он просто смотрел на него, желая заполнить собой весь мир Линь Шэня.

Не смел.

За глубочайшей любовью всегда скрываются трусость и неуверенность.

Сказать? Линь Шэнь ведь пьян.

А вдруг... вдруг он запомнит?

А вдруг... вдруг ему станет противно?

Линь Исин поцеловал его, нежно раздвигая зубы, проникая внутрь, жадно впитывая его вкус.

Пока он не скажет о любви, пока не признается — что бы он ни делал, всегда можно найти оправдание.

Час назад Линь Исин съел шоколад, и Линь Шэнь смутно почувствовал его сладкий привкус —

И тогда он начал отвечать. Он сплел свой язык с языком Линь Исина, невнятно пробормотав:

— Сладко...

Шоколад был куплен не зря.

Линь Шэню показалось, что сладости недостаточно, и он хотел отстраниться, но Линь Исин крепко прижал его затылок, не позволяя уйти.

Дыхание сбилось, лицо Линь Шэня еще больше покраснело, из горла вырвался невнятный стон, в котором перемешались протест и желание...

Этот протест лишь подливал масла в огонь.

Линь Исину казалось, что он пьян сильнее, чем Линь Шэнь.

Он был пьян с одиннадцати лет до двадцати, живя в мире, созданном для него Линь Шэнем, и ни разу не протрезвел.

Шэнь-Шэнь, Шэнь-Шэнь...

Жизнь бесконечна.

Кровь в голове, казалось, вот-вот закипит. Линь Исин отстранился, на его обычно невозмутимом лице застыло выражение странной, почти пугающей нежности.

Линь Шэнь тяжело дышал, а через минуту, вспомнив о важном, снова заговорил о шоколаде.

Линь Исин вскрыл упаковку и, притиснувшись к нему, соблазняющим шепотом произнес:

— Скажи, что любишь меня. Тогда дам шоколад.

Линь Шэнь долго переваривал его слова:

— Лю... люблю...

...Линь Исин поджал губы:

— Ты должен сказать: я люблю тебя.

<http://bllate.org/book/24751/2923916>